

ОБРАТИТЕ внимание, мы совершенно разучились радоваться. Я не имитацию радости имею в виду — шоу, викторины и конкурсы, а просто — созерцать речку, или облака, или лист и испытывать радость, как это было с нашими поэтами, писателями, художниками, просто с крестьянами, как это было с людьми, ощущавшими божественную гармонию между собою и миром. Разве могло прийти в голову кому-нибудь из них, что речка отравлена, лист облучен, а облака радиоактивны?..

И дело не в самой даже радиации, дело в поражении души, наступившем в нас немного раньше трагедии Чернобыля. Чернобыль начался не с 26 апреля 1986 года, он начался много раньше: с тотального насилия, с уничтожения казачества, культуры, крестьянства, храма Христа Спасителя и еще тысячи памятников архитектуры и духовности, с сооружения Беломорканала и всеобщей индустриализации, коллективизации теми методами, которыми это проводилось, — вот где начало Чернобыля и наших других сегодняшних бед. Более того, истоки многих из них следуют искать еще в деятельности Петра I. И не случайно поэт Максимилиан Волошин в годы революции писал:

Великий Петр был первый
Большезик,
Замысливший Россию
перевоспитать
Склонениям и нравам
вопреки
За сотни лет к ее
грядущим далям.

Великий реформатор одних отправлял учиться в Голландию, а другим, не объяснив, почему нужно утром пить кофий, а не водку, брил бороды и рубил головы. Именно тогда возникает табель о рангах. Именно отсюда начинает возникать уважение не к личности, а к месту, которое человек занимает. И отсюда же возникает наслаждение от добровольного создания для себя идола, которого с разрешения нового идола с еще большим наслаждением можно будет распотрошить. И, кроме того, вина Петра I и многих за ним идущих в том, на мой взгляд, что они торопились увидеть результаты своей деятельности при своей жизни, а это в такой стране, как Россия, мыслимо далеко не всегда. Пытаться повернуть фрегат методом, каким поворачивают шлюп, — невозможно. В итоге возникла ситуация, метко названная гениальным Грибоедовым «колебанием умов, ни в чем не твердых». Слова эти в полной мере можно отнести и к сегодняшнему дню.

Отсюда и истоки нашего вечного, яростного и справедливого желания равноправия. Но равноправие — это не равенство, и путать эти понятия нельзя, слишком они различны. Равноправие достигается эволюцией. Революция же дает только равенство. Равноправие — это когда мои права равны с правами любого иного. Равенство же, случается, — это когда мы все одинаково бедны. И добровольное, ублаживающее бесправие — это, как правило, замечательная почва для возникновения идеологического шаманства.

СЕЙЧАС много говорят о новом исходе из страны интеллигенции. Как к этому относиться? Я убежден, что любая стабильность должна быть противна художнику. И уже даже потому я не хотел бы оказаться в многотысячной очереди за визами.

Я люблю путешествовать и я хочу, чтобы мои дети знали бы мир и не боялись его, а, наоборот, спокойно и с гордостью осознали, кто они, откуда родом, и чтобы ощущение собственного достоинства никогда не покидало их, куда бы ни занесла их судьба. Но полноценность этого ощущения может испытать только свободный человек с полноценным паспортом в кармане, который является его собственностью, а не собственностью организации, дававшей ему характеристику и «выпущившей» (слово-то какое!) его за границу. Многие уезжают в поисках свободы, но я глубоко убежден, что вписанному человеку не свобо-

да нужна, а отсутствие неволи. Я никогда и ни за что не хотел бы покинуть мое Отечество. Это моя Родина, это моя энергия, моя память и мой корень. Но я хочу сам делать свой выбор. Легко не брать взятки, когда не дают, и сидеть на месте, когда не выпускают. Я хочу жить в своей стране и не чувствовать себя ни героем, ни заложником. Мне кажется, что истинная свобода — это гармония человека с собственной и исторической памятью, гармония его с собственной душой. Но бывает ситуация, когда обстоятельства (скажем, спасение жизни детей) заставляют делать тяжелый выбор. Никто не знает, как сложились бы судьбы Рахманинова, Шаллыгина, Бунина, если бы они не уехали. Я думаю, их бы убили. Молю Бога не дать повториться красному колесу, погубившему такое количество жизни и судьбы.

Да и потом мне кажется, что это разграничение на «них» и «нас» искусственно. Это рудименты политики железного занавеса. Не может настоящий русский художник потерять свои

это не лицо, это что-то другое. Это — бесправие, бескультура, нищета, возведенные в принцип. И страшная, вечная русская зависть, доведенная системой до совершенства.

НО И ЭТО еще не вся беда. Не менее ужасно полное и вопиющее равнодушие к соотечественникам, и не там где-то наверху, в высших эшелонах власти, а совсем рядом, начиная от... даже не хочу ни с кого начинать, это везде и повсеместно. Что может быть страшнее на свете нашего, я бы назвал так, социалистического эгоизма? Что может быть безыходнее старости в нашей стране, оскорбительнее добывания справки, лекарства, билета, да чего угодно. Почему так? — спрашиваем мы себя. Отчего? А ответ прост. Наш социалистический эгоизм — это результат вытравливания из массового сознания людей понятий греха, стыда, возмездия и веры в то, что жизнь человеческого духа бессмертна. А раз так — то и нечего и некого, кроме очередного начальства, бояться и неза-

Притом, как показала история, язычество, завуалированное громкими фразами о бескорыстии и самопожертвовании, приспосабливалось к этому бескорыстному энтузиазму оказывались, как правило, сытыми энтузиастами выгоды.

Посмотрите, как много сейчас поговяду говорят о милосердии и как мало в него верят те, кто в этом милосердии нуждается. Наверное, есть что-то в этом недоверии глубокого, подсознательного, то, чего и словами-то объяснить нельзя. Наверное, потому, что вместе со многим другим тот самый социалистический эгоизм вытравил из людей веру в то, что кто-то может что-то делать бескорыстно, и не для того, чтобы деньги отмыть, а чтобы душу очистить.

А разве экологическая ситуация — это не результат того же эгоизма? Когда предприятие, выполняя план любой ценой, уродует природу, уничтожает жизнь окружающей среды, что это, как не эгоизм? Эгоизм временности, сиюминут-

колоннами — третий во всей России по богатству убрательства, а купцы села Рыбачье напротив Ростова Великого поставили на свои средства колокольню выше Ивана Великого. И делалось это не для того, чтобы Москву понизить, а чтобы свой край поднять. Это была здоровая гордость, это было развитием регионального самосознания в пределах нации, следовательно, развитием самосознания национального.

Петр Аркадьевич Столыпин — государственный деятель, хорошо понимавший истоки русского кризиса, практически вывел из него страну стазой не только на купечество, но и на зажиточного крестьянина, на фермера, то есть расширил и укрепил сферу хозяйского самосознания.

Купечество, как и кулачество, было истреблено, храмы разрушены, с колоколен пощипали колокола. И все это вместе — и разрушенные храмы, и изуродованные монастыри, и алпауты изваяния вождем революции — все это вместе является

имеет еще счастливую возможность видеть живыми своих матерей, я хочу сказать: не теряйте времени, будьте рядом с ними, дышите ими и знайте, что все равно не надыхнетесь, потому что каждая потерянная минута вне материнской любви — это шаг к вашему сиротству.

...Сегодня (я в этом глубоко убежден) унижение национального самосознания народа достигло критической точки, уважения к себе нет никакого. Я не ложную гордость имею в виду, а именно уважение к себе. Да и мудро ли... Вот только подумайте: у всех народов во всех странах лидером, вождом, руководителем мог стать лучший, самый талантливый, образованный, уважаемый. У нас, при классовом подходе было совершенно наоборот. Только тому, кто мог доказать свою заботливость и унижение в поколениях, открывалась дорога к вершинам власти. Не дай Бог, кого из «благородных» в роду иметь, в лучшем случае не видать тебе власти, в худшем — жизни. Кстати, подобная послед-

Вперед идти страшно, назад — нельзя. Стоять на месте изувеченными — больно. И все это — при совершенном отсутствии самостоятельного мышления. Страшно вместо привычного ощущения коллективной безответственности понимать необходимость приближения индивидуальной ответственности. Сложно смириться с мыслью, что в силу вступают совершенно иные, неизвестные нашему современнику рыночные отношения, что меняется структура общества, столь привычного к массовой мимикрии в зависимости от оттенка идеологического климата на сегодняшний день.

Я думаю, хватит винить друг друга, хватит извергать идолов, нет, мне думается, не виновных во всем, что с нами произошло — нужно покаяние. И начинать это покаяние нужно с себя и с самого начала. Будь у меня власть, я бы начал с перенесения в Петропавловскую крепость в фамильный склеп останков семьи Романовых, зверски расстрелянных без суда и следствия. Расстреляны все: и врач, и прислуга, и женщины, и малолетний наследник. Но не может быть на свете идеологии, которая стоила бы жизни хоть одного ребенка. Это мое глубокое убеждение. И перенесение семьи Романовых должно стать актом истинного покаяния, началом нравственного возрождения. Я догадываюсь, сколько ироничных улыбок, шуток, а может, раздражения и даже озлобления вызовут мои эти строки у многих читателей, поскольку в стране множество тяжелых нерешенных проблем, далеко не полностью восстановлена справедливость в отношении жертв сталинских репрессий, не захоронены останки тысяч и тысяч солдат, павших на полях самой кровопролитной из войн. Дескать, с царской семьи ли надо начинать... И все же я до конца убежден в справедливой необходимости именно такого акта — он снимет с нас тяжелейший грех, и мы ощутим это почти физически. Мир должен увидеть и понять, что мы люди с правилами.

Однажды писатель Владимир Максимов, когда мы говорили с ним на подобную тему, сказал: «Самое ужасное — это то, что выросло поколение, которое научилось смеяться над тем, что было истинно свято и серьезно. Не бояться научили, не не любить или даже ненавидеть, а смеяться».

Нужно перешагнуть этот порог. Все можно потопить в иронии...

Чего мы хотим от поколения, которое выросло на виду изуродованных храмов со сбитыми крестами, черными, мертвыми окнами и исписанными мерзостями стенами. Дети ходили в школу мимо этого позора, возвращались домой, играли на обожженном алтаре и ничего не испытывали — ни боли, ни стыда, ни даже вопроса, зачем это строили и почему сломали. И вообще, как возможно просто ломать то, что возвели твои предки, и не для того ломать, чтобы что-то построить на этом месте, а сломать и оставить как знак самодовольного вандализма, в назидание потомкам, у которых отняли историю Отчизны. Можно ли требовать после этого от людей нравственного совершенства? Но в разрушении нет спасения. А созидания без святости и без серьезного отношения хоть к чему-нибудь не бывает.

Я верю в глубочайший разум нашего народа. Он обязательно должен в результате восторженствовать. Жалко только, что в России часто путь к разуму лежит через страдания, насилие и самодовольную глупость.

Меня часто спрашивают на встречах со зрителями, чего бы мне больше всего хотелось. В разное время я отвечал по-разному, но после смерти мамы я точно знаю ответ на этот вопрос. Больше всего мне хочется, чтобы ей там где-то, где теперь ее душа, никогда не было за меня стыдно.

Монолог

Никита МИХАЛКОВ: **Я ХОЧУ ЖИТЬ В СВОЕЙ СТРАНЕ И НЕ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ НИ ГЕРОЕМ, НИ ЗАЛОЖНИКОМ**

корни, где бы он ни находился. Гоголь писал главы своей гениальной поэмы «Мертвые души» недалеко от площади Испании в кафе «Эль Греко» в Риме и от этого не перестал быть русским писателем. Тургенев не стал менее русским, прожив полжизни во Франции. В. И. Суриков путешествовал по Италии, подолгу жил за пределами России, а более русское историческое мыслителя нет в отечественной живописи.

Русская интеллигенция несла в мир славянское мироощущение, глубину, потрясающий синтез восточной созерцательности и европейской культуры, и это действовало на развитие континентального культурного иммунитета. Европейский дом, о котором мы так много говорим сегодня, существовал в XIX веке, потому что существовала традиция преемственности.

Но лично я хотел бы работать на Родине и потому всеми силами, как только могу, стараюсь преодолеть эту инерцию бездельности, охватывающую нашу жизнь. Теперь у меня есть своя студия, которую мы организовали с моим другом драматургом Рустамом Ибрагимбековым под покровительством Внешторгиздата и Центра детского кино Ролана Быкова. Называется она «ТРИТЭ», то есть «Творчество, Товарищество, Труд». Это не просто кинорежиссура, это в рамках «ТРИТЭ» мы намереваемся организовать киношколу, актерскую академию, театр, словом, «ТРИТЭ» должна стать ферезным и, главное, дееспособным культурным центром в Москве.

Казалось бы, как хороши наши начинания. Но кто бы знал, какие усилия нужно было применить, чтобы решить самые простые вопросы.

В жизни человеческого общества существуют периоды расцвета и упадка. Вероятно, мы находимся на том пике вниз, когда нужно коснуться дна, чтобы, оттолкнувшись от него ногами, пойти вверх. У нас не хватает мужества признать, что в государственном устройстве была совершена катастрофическая ошибка. Мы постоянно убеждали себя, что строим «реальный социализм», теперь говорим про социализм с человеческим лицом. Правда, никто не знает, что это за лицо. По крайней мере то, что мы видели на протяжении нескольких десятилетий,

чем задумываться и маяться угрызениями совести — совести, усиленной, убаюканной речами о социальной справедливости и вечной правоте выбранного курса. Замечательно сказал один из русских религиозных философов: в государстве, в котором потеряно понятие греха и стыда, порядок может поддерживаться только полицейским режимом и насилием.

Сначала мы были язычниками, потом на целых 1000 лет стали христианами — для того ли, чтобы в новейшие времена прерваться опять в язычники? Что же это, как не язычество, все эти ритуальные заклинания с трибуны разного ранга или когда за хорошую работу тебе дают кусок ткани с лозунгом? Только, как показало время, нет гарантии, что профиль, вышитый на этой ткани, со временем не станет персоной нон грата. Так же, как нет никакой гарантии, что человек, подписавший лист бумаги под названием «Грамота», не окажется через какое-то время осужденным за взяточничество. Разве не язычеством была наша «добрая» традиция по нескольким раз в год ходить по площадям и улицам наших городов, неся над головой отретушированные портреты малознакомых людей, не гарантированных от того, чтобы однажды не оказаться в числе врагов либо народа, либо настоящего политического момента? А эти бесконечные переименования старых русских городов и улиц! Взгляните на карту наших городов: сколько в них улиц Карла Маркса, Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Хо Ши Минна, Георгия Дежа. А есть ли носящие имена воистину великих людей Отечества — историка Василия Ключевского, философа Владимира Соловьева, вдохновителя Куликовской битвы преподобного Сергия Радонежского, освободителя России князя Дмитрия Донского?

Не хлебом единым жив человек, это известно. И все же... Хорошая квартира, человеческая зарплата, на которую можно не только прожить, но и жить, возможность нормально отдохнуть — более справедливый и действенный рычаг во взаимоотношениях государства и человека, нежели языческие символы, призванные подкармливать энтузиазм, который в условиях нашего «реального социализма» оказался продуктом скоропотливания.

ного насыщения, эгоизм потребителя, захватчика, оккупанта, ну кого угодно, только не творца, не истинного хозяина.

Тот социализм, который мы построили, совершенно глух и слеп к человеку. Он — зомби, и нас он делает зомби. Ибо и реки, и листья, и небо управляем мы сами, продолжая сотрясать воздух словами об экологической катастрофе, не желая отказаться ни от чего, что прогресс подсунил нам во искушение. Нет пророка в своем Отечестве, это я могу понять, но, когда нет Отечества, когда его нужно оставить, потому что земля, вода и сам воздух смертоносны, когда нужно бросить все вместе с могилами родных, даже кресты над которыми отражены радиацией, — это катастрофа. Все это порождает безысходность, убивает волю жить для будущего, а не ради сегодняшнего дня, порождает ужасную психологию возведенной в принцип нищеты: лучше жить всем одинаково плохо, чем по-разному хорошо. Очень трудно эту психологию ломать, хотя, справедливости ради, нужно сказать, что уже одно то хорошо, что об этом стали думать и говорить, а то, о чем говорим, можно увидеть напечатанным. Главное, чтобы не утонуло все в словах.

ВАЖЕН общественный баланс. В цивилизованном мире существует некий средний класс, который стабилизирует жизнь в стране. В России этим стабилизатором было купечество. Оно поддерживало нормальную температуру в обществе. Его представители, при порою дремучей темноте своей, тем не менее когда осознали, когда подсознательно являлись движущей силой наращивания экономического и культурного потенциала. На средства купечества строились театры, школы, больницы и т. д. Существование купечества по всей России давало возможность децентрализованно благосостояние и общественную жизнь. Именно купечество составляло костяк самосознания и самоуважения каждого российского региона. Это наш соционизм требует централизации во всех сферах общественной и экономической жизни. Отсюда — «что скажет Москва, как Москва на это посмотрит» и т. д. Ну можно ли сейчас предположить, что в далекой, для половины нашего населения вовсе не известной Кяхте стоял храм с хрустальными

собой огромный и устрашающий памятник нашему эгоизму.

Я знаю, что ставлю себя под град гневных протестов, но скажу: Октябрьская революция во многом научила власть имущих всего мира бояться повтора ее результатов и мгновенно реагировать на любое проявление недовольства в их странах: либо насилием, либо диалогом (чаще второе), дабы не выпустить ситуацию из-под контроля. Мы и наш опыт стали пугалом. Но справедливо ли и дальше делать из огромной державы полигон для экспериментов?

Мы так много говорим теперь о демократии, не всегда понимая, а может быть, и не желая понять, что демократия была и в России, но только иная: равенство перед единым Законом Божьим. В храме перед этим законом и государь, и сапожник, и нищий были равны. И ответственность их перед этим законом была равной. Неравенство их начиналось вне храма, а в храме было равноправие. Потому равенства, которое принесла революция, можно было достичь, только истребив равноправие, существовавшее в храме, а задно и сам храм.

ДЛЯ ТОГО чтобы не вернуться в прежние времена, нам необходим постоянный контакт с внешним миром, нам нужно чувствовать себя частью планеты Земля, а не изолированной территорией. Другое дело, что, приобщаясь к внешнему миру, надо вырабатывать свой национальный иммунитет. И это вовсе не означает, что нужно запретить рок или что-то еще, что является собой принадлежность к массовой культуре. Воссе нет. Но все же прежде нужно знать родные сказки, родные песни и не просто знать, но любить, понимать их силу и глубину. Нужно знать свою историю, чувствовать ее уникальность и стараться восстанавливать с ней порванную связь. Необходима реставрация корневой системы нации.

И семейную традицию я понимаю как осознание принадлежности к своим корням. Чем дальше, глубже в прошлое проследим эти корни, тем сильнее традиция. Центром нашей семьи всегда была мама — Наталья Петровна. С ее кончиной два года назад я понял, что рано или поздно все мы становимся сиротами. Уход матери — это всегда сиротство. Потому всем, кто

